

ВНЕШТАТНЫЙ ХОРЕК

Цирковой тигр Байкал всей душой ненавидел халтурщиков из артели «Новый штамп», снабдивших цирк бракованными замками. Стоило ему только мысленно представить себе этих недобросовестных двуногих, как он сразу же закипал от злости и всем своим видом словно говорил: держите меня крепче, не то я их разорву.

И вот однажды ночью, когда Байкал лежал в клетке и размышлял о том, с каким наслаждением он растерзал бы бракоделов, к нему в клетку внезапно явились ничего не подозревающие председатель артели «Новый штамп» Самсон Иванович Бесстрашных и его ближайший помощник Мяконьких. На ловца и зверь бежит!

В сценарии комического фильма в двух частях «Случай в цирке», посвященном расправе тигра с бракоделами, дается подробное описание этого циркового аттракциона. Тигр Байкал все ходил, нюхал и фырчал... Но зато, что вытворяли Бесстрашных и Мяконьких! Они носились по цирку на летательных аппаратах, летали, словно пробка «из бутылки с шампанским», обнимались с контрабасом, ходили задом наперед и совершали прочие, не свойственные нормальным людям, поступки, долженствующие по замыслу сценариста вызывать гомерический смех у постановщиков фильма и зрителей.

Мораль сценария тонка, как хлыст дрессировщика. Не халтурь — попадешь тигру в лапы. Что верно, то верно! Брак нетерпим в любом деле. Он нетерпим в артелях, на фабриках, заводах, в колхозах и на инкубаторно-птицеводческих станциях. Брак недопустим и в области литературы — в песнях, пьесах, повестях, а также киносценариях о тиграх и бракоделах. За брак положено взыскивать.

Тот же сценарный тигр Байкал заставляет бракоделов забрать свои негодные замки и возвратить за них цирку 33 рубля 50 копеек.

Но, на беду, правила не бывают без исключений. Сам сценарий фильма тоже оказался халтурой, а незадачливое руководство Рижской киностудии успело заплатить его создателю Л. Гуревичу... 16 тысяч 500 рублей. Это тебе не 33 рубля 50 копеек! Но деньги Л. Гуревич студии не возвратил, и Байкал прошел мимо этого факта. Воистину печальный случай со «Случаем в цирке»...

Жаль, что тигр Байкал не приохался к своему посаженному папе Л. Гуревичу. Он наверняка бы учуял сценариста — бракодела-драмодела. В архивах Министерства культуры Латвии скопился порядочный ворох рукописей, принадлежащих перу Л. Гуревича. Тут одно, двух, трех и четырехактные пьесы, водевили, драмы, комедии и даже песни. Одна из песен зовется «От Азова до Каспия». За нее автору заплатили 600 рублей. Правда, ее никто еще не пытался петь и, очевидно, не попытается. Но не будем оценивать литературно-музыкальные достоинства его творений. Это уже сделано без нас. Рукописи, за которые в свое время были уплачены сотни и тысячи рублей, инвентаризационная комиссия оценила от 1 рубля 50 копеек до 10 рублей за штучку — по стоимости истратченной на них бумаги. Творения деятеля от литературы приравнены к макулатуре.

Л. Гуревич написал для Театра музыкальной комедии Латвийской ССР либретто оперетты «Вешние воды». Актеры выступать в этой комедии отказались. Тогда автор переименовал «Вешние воды» в «Цымлянские волны».

— Все равно вода, — сказали в театре.

После этого Л. Гуревич дал своим водам третье наименование: «Однажды весной...» И на этот раз клонуло. Театр принял текст музыкальной комедии к постановке, истратил на атрибуты и реквизит 41 тысячу рублей. Управление по делам искусств выплатило автору 8 тысяч рублей гонорара. Но приемочная комиссия забраковала спектакль. Тогда Гуревич в отместку тиснул в газете «разоблачительную» статью о театре, получил еще 400 рублей и на этом успокоился.

Положительным героем для «Случая в цирке» Гуревич избрал тигра. Это и понятно. Тигры, львы и слоны принадлежат к категории благородных животных. Байкал был строг, но справедлив, честен, не мелочен, не мстителен, рассудителен и гуманен. К сожалению, всех этих качеств не хватало его крестному отцу Леониду Самойловичу Гуревичу. В отличие от Байкала Гуревич беспринципен, бесчестен, мелочен и мстителен. С теми, кто отклонял его литературно-музыкальную макулатуру, он жестоко расправлялся. Разносные, зубодробительные статьи он писал не только о Театре музыкальной комедии в связи с провалом «Однажды весной...» Такой же экзекуции он подвергал и Рижскую киностудию и Русский драматический театр, отказавшиеся от его опусов.

Но водворим тигра в клетку, повесим на нее надежный замок и обратимся к следующему этапу жизни Л. Гуревича. Зубодробительные статьи и фельетоны о театрах отнюдь не способствовали укреплению творческой связи между ним и сценой. Богиня Мельпомена вовсе перестала покровитель-

ствовать Леониду Самойловичу. Контакт с театрами и киностудией был окончательно нарушен. Но ведь не зря говорят: нет худа без добра. Бичуя и разоблачая всех противников своего драматургического «таланта», Гуревич приобрел имя фельетониста.

За фельетоны, правда, платят меньше, чем за музыкально-драматические произведения, зато для неразборчивого писака поле деятельности тут куда обширнее. Вся уголовная хроника, все скандальные происшествия к его услугам. Позвонил в милицию, побеседовал с дворниками, собрал слептены у соседей, — глядишь, и наклонилась какая-нибудь кляуза. Потом взял эту кляузу за основу, добавил кое-что от Шекспира, Гоголя или Салтыкова-Щедрина — и фельетонный комplot готов. При этом Леонид Самойлович никогда не упускает возможности свести личные счета.

В парадном одном из домов по улице Вейденбаума произошла ссора. Актер на повышенных тонах беседовал со своей супругой.

— Какой актер? — заинтересовался Гуревич. — А, я его знаю. Это тот самый, который посмел критиковать мою пьесу...

Стряпается сюжет. Актер — Отелло. Его жена — Дездемона. Отелло покушается на жизнь Дездемоны. Его вызывали повестной в суд и наверняка посадили бы за решетку, если бы не либерализм Пролетарского районного отдела милиции. Вывод ясен — актера надо посадить, милиция дала по шапке. Партийной организации и коллективу театра давно пора изгнать из своей среды скандалиста и хулигана.

Фельетон появляется в печати. Отелло пишет объяснения во все инстанции. Пока устанавливалась истина, Гуревич успел гонорар положить в карман.

А сколько еще душераздирающих сюжетов хранят для фельетониста фолианты классиков, сколь-

ко звучных имен! Только пиши и пиши, пока печатают. И Гуревич писал. И его печатали. Начав с актеров, он переключился затем на прокуроров, судей, стал оговаривать адвокатов, работников милиции, врачей, инженеров. Все подлости и негодяи, негодяи и подлецы!

Если этого требуют интересы «дела» и заработок, Гуревич не только фельетон состряпает, но и на суде с речью выступит. И тогда берегитесь судьи, прокуроры и адвокаты! Не дай бог вам перечить грозному обличителю. На одном из судебных процессов, где Гуревич выступал свидетелем, юрист, возмущенный его ложными показаниями, сделал Леониду Самойловичу замечание. И жестоко поплатился за это. Свидетель записал в своем кондите: «Юрист NN. Не забыл!». И не забыл. Через полтора года юрист стал героем насквозь клеветнического пасквиля.

Многих честных людей оклеветал и облил грязью Гуревич. Но не все они знают, кому обязаны за оскорбление и истрепанные нервы. Бракоделы, ехидно высмеянные Леонидом Самойловичем в зоологическом киносценарии, ставили на негодных замках свой штамп. Но не ставят своего имени под штампованными фельетонами Л. Гуревича. Он прячет свои грязные уши под десятком псевдонимов. Вот они: Весис, Осис, Музыканти, Григорьев, Аргус, Осокин, Марков и прочие. Когда Гуревич хочет подшутить, он ставит под своим фельетоном фамилию человека, на которого зол. Таким «выстрелом» он убивает сразу двух зайцев: пакостит недругу и сбивает с толку читателей.

Бывший драматург и театральный антрепренер Гуревич не стоит в штате какой-либо газеты или журнала. Он избрал «внештатный образ жизни», создал сыскное бюро у себя на дому. Нигде постоянно не работающий, как

он сам себя рекомендует, «член различных профсоюзов», сидит в своем кабинете по улице Миера, 11, и собирает по телефону скандальную хроника:

— А что сказал он?

— А что сказала она?

— Синицын, говорит, вчера приполз домой на бровях.

— Что? Жена Синицына ходила по городу в новом пальто?!

— Кротов катался на велосипеде и разбил себе лоб? Вот это здорово! Наверное, заложил за воротник...

Затем новоявленный Шерлок Холмс вытаскивает из тумбы письменного стола картотеку и скрупулезно записывает все разношерстное в «личные» карточки.

— Я веду его дело! — с важностью заявляет Л. Гуревич.

— Галкин! Он у меня давно на учете. А с ним скоро рассчитаюсь...

В милицейских протоколах часто встретишь такой оборот речи: «Иванов, он же Копылов, он же Лошаков, он же Скворцов...». Поскольку деятельность Леонида Гуревича граничит с уголовной, данный оборот вполне применим и к нему... Л. Гуревич, он же А. Витол и он же Я. Натра, внештатный корреспондент журналов «Дадзис», «Звайгзне» и газеты «Падомю яунатне». И в околোগазетном положении он видит определенные удобства. Расчет прост. Гуревич клеветает, редакция печатает. Редактор, вынужденный защищать честь издания, защищает и фельетониста. А тот, о ком написан фельетон? А пусть себе доказывает, что он не верблюд. С Гуревича же взятки гладки. Он внештатный. Он ни за что не отвечает...

...Тигры, слоны и львы сидят в отведенных им по штату местах — в клетках и вольерах. Они не пишут фельетонов, не опасны для публики. Куда опаснее разгуливающий по Риге внештатный хорек, сочиняющий пасквили.

А. ГОЛУБ.